

ГОРЬКИЙ — Д. И. МОРСКОЙ

Дмитрий Иванович *Мальшев* (псевдоним — Морской, 1897—1956) — поэт, мордвин по национальности, автор сборника стихотворений «Сурдина пурги» (1927). В кн. «30 лет Мордовской АССР» (Саранск, 1961) Морской назван в числе писателей, заложивших основы мордовской советской литературы.

Переписка Горького с Морским относится к 1927—1932 гг. Приехав в Москву в мае 1928 г., Горький встретился с Морским. В АГ хранятся рукописи ряда стихотворений Морского с правкой Горького и отзыв о книге «Неслышанная гордость».

О своих отношениях с Горьким Морской рассказывает в воспоминаниях, хранящихся в АГ.

Ниже публикуется четыре письма Горького к Морскому.

1

ГОРЬКИЙ — МОРСКОМУ

⟨Сорренто. 18 октября 1927 г.⟩

Дмитрию Морскому

Предупреждаю: я — плохой ценитель стихов, потому вы должны относиться к моей оценке осторожно.

Мне кажется, что стихом — техникой стиха — вы владеете уже свободно, некоторые стихотворения, напр<имер>: «Столяр», «Зимой», «Влюбленная осень»¹ — и еще кое-что, — звучат уже вполне хорошо — и говорят о том, что дарование у вас, бесспорно, есть.

Но язык ваш страдает отсутствием четкости, ясности, и, гонясь за образностью, вы часто допускаете такие строки:

«И дни, и ночи *напролом*» — напролет? — сквозь что?

«И ветку к ветке прижимая...

Шагал в поту, как в росах мая» — это нехорошо.

«Глаза в *индевелой* печали»...

«На сердце челн тоски в причале

Огнями смутными залит» — это всё не ясно, не образно

Затем: не надо выдумывать слов, вроде «гальчатого песка», — одно — галька, другое — песок; или «тенева паутин» — что значит — тенева?

А в стихах «Вчера сковал я серп» у вас потóm или пóтом? — не поймешь.

Не нравится мне титул стихов «Сурдина пурги» — вычурно это.

А за всеми этими техническими недостатками, которые легко устранить, лежит ваша грусть, непонятная мне. О чем бы грустить вам, человеку, испытавшему уже в начале жизни так много? Все испытанное

вами должно бы явиться богатством вашим и гордостью вашей, все это — материал для вас, поэта. А кроме того у вас есть и еще богатейший материал — в легендах, сказках, песнях вашего племени. О чем грустить? Разве вы не находите радости в работе, разве не гордитесь вы тем, что из неграмотного крестьянина превратились в поэта? Гоните прочь вашу грусть, ищите радости в работе, в самовоспитании, в той удивительной жизни, которая могуче кипит вокруг вас и за свободу которой вы боролись.

Вам есть чем гордиться, это я вижу, но я не вижу, о чем грустить?

Крепко жму руку.

А. Пешков

18.X.27.

Спасибо за то, что прислали книжку.

А. П.

¹ Стихотворения из сборника Морского «Сурдина пурги». М., «Никитинские субботники», 1927. В тексте письма приведены строки из стихотворений «Отец», «Мать», «Уход», «Дед на горе».

2

ГОРЬКИЙ — МОРСКОМУ

⟨Сорренто. 9 января 1929 г.⟩

Д. Морскому

Ваша ссылка на Гете ¹ — не совсем понятна. Как вам, наверное, известно, через несколько десятков лет после его смерти французы, а позднее и наши поэты, ввели аллитерации, ассонансы, усеченные рифмы и все прочее.

Чернышевский выражает совсем не «то же», что сказано Гете, а нечто очень спорное, во всяком случае — неясное. Сказать: «Забота об оригинальности губит оригинальность» — это не значит сказать нечто вполне определенное хотя бы потому уже, что человек *со своеобразным* опытом, со своим взглядом на людей, на явления природы вовсе не заботится об оригинальности формы, его опыт самосильно отливается в наиболее совершенно подходящую ему — опыту — форму. В этих счастливых случаях мы получаем такие разнообразные фигуры, как Тютчев и Беранже, Некрасов и Верлен, как Гоголь и Чехов, Лесков и Достоевский. «У кого есть содержание, тот не будет хлопотать, чтоб отличаться оригинальностью», — цитируете вы Чернышевского, опыт которого прекрасно отливался в формы критических и политических статей, но очень неудачно отлился в форму романа. Тут, как видите, есть некоторое противоречие: оригинальность содержания и оригинальность формы как будто «разносятся». Это противоречие вы разрешите, подумав о том, почему большинство молодых писателей наших, обладая *небывало богатым* — для их возраста — опытом, уложить его в форму достаточно «художественную» — т. е. простую и красивую — не могут, не умеют.

Разумеется — «вопросы формы так же стары, как стара сама литература» и даже гораздо старше: люди говорили стихами, еще не имея письменности. Можно сказать, что форма стара как познание, ибо — всякое познание оформляет явление природы, мысль, чувство человека.

О стихах ваших скажу: много в них небрежности, много «несделанного», торопливого. Мне кажется, вы преждевременно пишете такие боль-

шие и «сюжетные» вещи², вам бы попробовать разработать дарование ваше на мелких стихотворениях. Они тоже могут быть «сюжетны», если вы возьмете «жанр» — быт.

Всего доброго.

А. Пешков

9.1.29.

¹ Письмо Морского, на которое отвечал Горький, не сохранилось. Судя по более позднему письму Морского Горькому (от 9 февраля 1929 г.), где речь идет о тех же проблемах, Морской ссылается на следующее высказывание Гете: «Вообще теперь чрезвычайно гоняются за техникой, и господа критики начинают домогаться того, чтобы простое эс непременно рифмовало с простым эс, а отнюдь не с эс-дет. Если бы я был еще молод и предприимчив, я бы умышленно стал выступать против этих технических тонкостей, я стал бы употреблять аллитерации, ассонансы, бедные рифмы с полной беззаботностью; но я обратил бы все свое внимание на самую суть дела и постарался бы написать такие хорошие вещи, что все восхищались бы и заучивали их наизусть» (И. Эккерман. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.—Л., «Academia», 1934, стр. 546).

В том же письме от 9 февраля 1929 г. Морской писал Горькому и о своем отношении к Чернышевскому: «Его „Что делать?“ — как роман — не вызывает желания учиться у него, но мысли, выраженные им как публицистом и критиком об искусстве, по моему, верны, и мне они кажутся точными. Конечно, спорить обо всем можно. Мне кажется: содержание само определяет свои формы, каково бы оно ни было. Например, скульптор высекает ли, лепит ли фантастическую фигуру не существующего животного — форму придает — ту, которая возникла в нем вместе с представлением о содержании. Т<о>е<сть> содержание не могло явиться как нечто отдельное от формы. Содержание с формой одно целое» (АГ).

² Речь идет о стихотворении Морского «На бульваре».

3

ГОРЬКИЙ — МОРСКОМУ

«Сорренто. 22 февраля 1929 г.»

Д. Морскому

Стихотворение не понравилось мне¹, неясно и непонятно в нем многое.

Для знакомства с Гете — недостаточно «Разговоров» Эккермана, прочитайте еще что-нибудь, напр<имер> — книгу Лихтенштейна²: с его эпохой хорошо знакомит Гайм «Романтическая школа»³. В этой книге вы найдете много весьма интересных суждений Тика о формах стиха.

Утверждая, что Гоголь «вырос из Диккенса»⁴, вы слишком уж категоричны. Сказать так — мало, надо подтвердить. Подтверждение найдется лишь в сходстве приема «Мертвых душ» с «Записками Пикквикского клуба». Но — тем же приемом и раньше Диккенса Стерна написал «Сентиментальное путешествие».

В языке Гоголь — в первую пору — был зависим от Марлинского, сильно влияя на него Гофман. Стерна он читал, а читал ли Диккенса — сомневаюсь.

Всего доброго. А. Пешков

22. II. 29.

¹ Стихотворение Морского «На бульваре».

² У Горького описка. Имеется в виду кн.: В. О. Лихтенштадт. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Пг., Госиздат, 1920.

³ Р. Гайм. Романтическая школа в Германии. Вклад в историю немецкого ума. Перевод В. Неведомского. М., изд. К. Т. Солдатенкова, 1891.

⁴ В письме к Горькому от 9 февраля 1929 г. Морской писал: «Гоголь, хотя и счастливый случай в смысле оригинальности фигуры, но вырос-то ведь он из Диккенса. Следуя формам изложения своего учителя, он и материал вкладывал, соответствующий данным формам. Не будь Диккенса, во что бы вылился Гоголь как художник — неизвестно...» (АГ).

ГОРЬКИЙ — МОРСКОМУ

〈Сорренто. 9 ноября 1929 г.〉

Д. Морскому

Мне кажется, что вам надобно хорошенько отдохнуть, почитать, поучиться, пожить одному где-нибудь в теплом месте и присмотреться к себе серьезнее. Я, если разрешите, мог бы помочь вам в этом, достал бы денег, а вы бы на зиму уехали куда-нибудь, где тепло, в Сухум, примерно¹.

Настроение ваше мне знакомо. Нашему брату, живущему воображением и с большими к жизни запросами, — часто комары кажутся тиграми. Хотя — не отрицаю — и комар обидно жалит, и от комара взбесишься, если его — туча.

Подумайте и напишите мне, а я тотчас достал бы денег, и — вот вам отдых, ясно, очень нужный для вас.

Жму руку. А. Пешков

9.XI.29.
Sorrento.

Пошлите на Дом Герцена.

¹ Из писем Морского (АГ) видно, что Горький оказывал ему материальную помощь и устроил его в санаторий.